

ОМСКІЕ ЕПАРХІАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ.

IX г. изд. ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ. IX г. изд.

15 октября № 20. 1906 года.

Епархіальные извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ церковныхъ старостъ: 1) крестьянинъ *Тимофей Трухманъ* къ село-Георгіевской Богородице-Казанской цер., Устькаменогорскаго уѣзда; 2) казакъ *Митвей Гордпеевъ* къ Сенжарской церкви, Петропавловскаго уѣзда; 3) крестьянинъ *Іоаннъ Потановъ* къ село-Крутинской церкви, Тюкалинскаго уѣзда; 4) крестьянинъ *Іаковъ Лавриновъ* къ село-Пановской церкви, Тюкалинскаго уѣзда; 5) Омскій 2-й гильдіи купецъ *Алексій Мрачковскій* къ церкви

градо-Омскаго 5-тикласснаго городского училища; 6) крестьянинъ *Александръ Мошковъ* къ церкви села Гагарьевскаго, Ишимскаго уѣзда.

Открыты церковно-приходскія попечительства: 1) Воскресенское Прѣсногорьковского прихода, Петропавловскаго уѣзда; 2) при село-Красноярской церкви, Тюкалинскаго уѣзда; 3) при село-Кореневской церкви, Тарскаго уѣзда.

Крестьянинъ Воронежской губерніи *Феодоръ Рыбалкинъ* допущенъ и. д. псаломщика къ церкви села Ново-Покровскаго, Тюкалинскаго у., съ 21 сентября с. г.

Преподается Архипастырское благословеніе съ выдачей грамоты Тарскому кущу *Евфимію Тимофееву Родіонову* за ревностное отношеніе къ благоуукрашенію храма село-Атирской церкви, Тарскаго уѣзда.

Псаломщикъ село-Ново-Покровской церкви, Тюкалинскаго уѣзда, *Іоаннъ Невфедьевъ* уволенъ отъ должности 22 авг. с. г.

Пономарь градо-Омскаго Кафедральнаго собора *Іоаннъ Соколовъ* переведенъ 21 сего сентября с. г. на 3 псаломщическое мѣсто къ градо-Омской Ильинской церкви.

Псаломщикъ село-Клепиковской церкви, Ишимскаго уѣзда, *Петръ Коряковъ* отчисленъ отъ занимаемаго мѣста съ 24 сентября с. г. за допущеніемъ его къ временному преподаванію Латинскаго языка въ Ишимскомъ Духовномъ Училищѣ.

Перемѣщенные 6 сентября с. г. одинъ на мѣсто другого священники: села Прапорщиковаго, Змѣиногорскаго уѣзда *Александръ Родіоновъ* и поселка Унары, Тарскаго уѣзда *Тимовой Соколовъ* оставлены 26 сентября на прежнихъ мѣстахъ.

Священникъ ст. Черлаковской, Омскаго уѣзда, *Василій Посельскій* уволенъ, согласно прошенію, 28 сентября с. г. за штатъ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ

15 октября № 20. 1906 года.

О религиозно-нравственномъ воспитаніи юношества.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ современной жизни является вопросъ о воспитаніи молодого поколѣнія. Вездѣ слышатся жалобы, что дѣти не повинуются родителямъ, начальствующимъ, воспитателямъ; среди молодежи происходятъ настоянныя волненія, принимающія небывалые размѣры. Необходимость преобразованія школы сознается всѣми; этотъ вопросъ обсуждается теперь и въ правительственныхъ сферахъ, и въ обществѣ, и въ печати. На страницахъ нашихъ періодическихъ изданій постоянно появляются теперь разнообразныя проекты школьной реформы, рѣдко, впрочемъ, затрагивающіе дѣйствительный корень зла. Большинство этихъ проектовъ сводитъ все преобразованіе школы къ перемѣнѣ программы, къ замѣнѣ однихъ учебныхъ предметовъ другими. Иногда же въ печати высказываются такія крайнія мнѣнія, что осуществленіе ихъ неизбежно привело бы не къ улучшенію нашего школьнаго дѣла, а къ окончательной гибели его. Такъ недавно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья подъ заглавіемъ „Письмо къ батюшкѣ“, весьма характерная—какъ выраженіе педагогическихъ идеаловъ извѣстной части нашего образованнаго общества. *) Авторъ этой статьи доказываетъ, что въ основу школьнаго воспитанія должно быть положено отнюдь не Православіе, а только міровѣденіе, которое одно будто бы можетъ вести дѣтей къ анализу, критикѣ и къ истинѣ, а Православіе, какъ и всякая другая религія, „мѣшаетъ вести дѣтей къ истинѣ“. Мало того,—даже „символы“ Православной церкви—иконы и кресты—не должны быть терпимы въ школѣ, ибо и они, „заслоняютъ отъ взоровъ истину“.

*) См. С.-Петербургскія Вѣдомости № 170.

Такимъ образомъ, и въ нашемъ отечествѣ появились теперь подражатели французскихъ атеистовъ, объявившихъ походъ противъ преподаванія въ школахъ Закона Божія и противъ помѣщенія тамъ крестовъ и иконъ. Подобно французскимъ „просвѣтителямъ“, и наши современные „иконоборцы“, какъ ихъ называли *Московскія Вѣдомости*, на первый планъ въ своихъ антихристіанскихъ проэктахъ выдвигаютъ заботу о благѣ молодого поколѣнія, о томъ, чтобы устраненіемъ религіи очистить юношеству путь къ истинѣ. Но ихъ коренная ошибка заключается въ томъ, что они совершенно неправильно понимаютъ истинную цѣль воспитанія юношества. Эта цѣль не заключается только въ развитіи въ дѣтяхъ „анализа и критики“, а, съ другой стороны, „анализа и критики“ еще недостаточно для того, чтобы прийти къ истинѣ. *Воспитывать* — значитъ руководить юношей такъ, чтобы, подъ воздѣйствіемъ воспитательныхъ средствъ, весь его душевный обликъ сложился по опредѣленному идеалу, съ сохраненіемъ, конечно, индивидуальныхъ разностей и особенностей. Для этого недостаточно развивать только умъ юноши, сообщая ему разнообразныя научныя свѣдѣнія. „Образованіе само по себѣ — ничто: если не затронута душа, не воспитанъ человекъ *духовно*, все его образовательное зданіе является зданіемъ, построеннымъ на пескѣ“ (С. А. Рачинскій). Мы на каждомъ шагѣ видимъ, какъ часто люди съ просвѣщеннымъ умомъ соединяютъ низкія и грубыя наклонности, какъ широко въ современномъ образованномъ обществѣ господствуетъ эгоизмъ и самая беззащитная погоня за наслажденіями. Поэтому главное вниманіе при воспитаніи должно быть обращено на нравственную сторону человека. Въ этомъ отношеніи истинный воспитатель долженъ дѣйствовать подобно садовнику — одно прививать, а другое отсѣкать, помня то, что человѣческая природа далеко не представляетъ изъ себя совершенства, и что, поэтому, не всѣ ея свойства заслуживаютъ одинаковаго развитія. И только тогда задача воспитанія — будетъ достигнута, когда школа сообщитъ юношѣ не только кругъ необходимыхъ научныхъ знаній, но и твердыя нравственныя правила и убѣжденія, руководясь которыми онъ можетъ съ пользою и честью служить Церкви и Отечеству.

Спрашивается теперь: въ состояніи ли будетъ осуществить эту высокую задачу та школа, которую проэктируютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*? Подъ *міровѣдніемъ* въ широкомъ смыслѣ этого слова обычно понимается изученіе какъ вышней природы, такъ и міра человѣческаго въ его реальныхъ формахъ и отношеніяхъ. Обобщеніе этихъ двухъ областей человѣческаго знанія подъ однимъ названіемъ указываетъ на то, что міръ человѣческій въ данномъ случаѣ долженъ изучаться по методу наукъ естественныхъ, какъ это мы видимъ у современныхъ соціологовъ и историковъ. Человѣкъ не отдѣляется здѣсь отъ остального міра: онъ только высшее звено въ міровой эволюціи, и жизнь его управляется тѣми же самыми законами, какіе господствуютъ во всемъ физическомъ мірѣ. Нужно, слѣдовательно, прежде всего изучать видимый міръ, чтобы понять человѣка. Но міръ — это громадная книга, которую каждый читаетъ по своему разумѣнію. Псалмопѣвецъ Давидъ прочиталъ въ ней, что *небеса поведаютъ славу Божію и дѣла руку Ею возвыщаютъ твердь*. Представители же современнаго естествознанія прочитали на страницахъ этой книги о неизмѣнности законовъ природы, исключавшей всякое вмѣшательство и руководство Бога-Промыслителя, и о жестокой борьбѣ за существованіе, какъ основномъ законѣ развитія всѣхъ живыхъ существъ. Представимъ себѣ школу, гдѣ въ основу всего учебнаго и воспитательнаго строя будутъ положены эти и подобныя естествен.-научныя воззрѣнія. Какой идеаль можетъ служить путеводною звѣздой всего воспитательнаго дѣла? Какими средствами воспитатель можетъ воздѣйствовать здѣсь на сердце юноши, чтобы побудить его къ самоограниченію, къ безкорыстію, къ самоотверженію? Да и гдѣ самъ воспитатель найдетъ критерій для различенія долгаго отъ недолжнаго, добра отъ зла? Естествен.-научное познаніе міра не можетъ доставить ему такого критерія: послѣдовательно проводимое, оно ведетъ къ тому нравственному безразличію, какимъ прославился въ наши дни Нитше, провозгласившій, что нѣтъ истины и лжи, добра и зла, ибо все относительно и все позволительно. Мы хорошо понимаемъ знаменитаго нѣмецкаго натуралиста Вирхова, который постоянно

протестуетъ противъ проэкта введенія Дарвинизма въ школьныя программы: трудно даже представить себѣ тѣ гибельныя послѣдствія, какими неизбѣжно сопровождалось бы господство этой теоріи въ школьномъ преподаваніи. Не мѣшало бы поучиться этой осмотрительности у нѣмецкаго ученаго тѣмъ нашимъ отечественнымъ публицистамъ, которые такъ легко говорятъ объ изгнаніи изъ школъ Закона Божія и замѣнѣ его міровѣденіемъ!

Нѣтъ, не міровѣденіе, а также и не классицизмъ, хотя бы и видоизмѣненный, могутъ послужить средствомъ для уврачеванія язвъ нашей школы. Истинное средство для этого только одно, и оно было указано съ высоты Царскаго Трона еще въ самомъ началѣ работы по преобразованію русской школы, когда Государемъ была высказана надежда, что, при обученіи разнымъ наукамъ, „будетъ обращено серьезное вниманіе на усиленіе религіозно-нравственнаго воспитанія юношества“. Вотъ краеугольный камень нашей школы, который одинъ только можетъ дать ей желательную крѣпость, усѣбность и жизненность. Евангеліе Христово—это не научная теорія сомнительной достовѣрности, а откровенная истина, Божественная сила, возрождающая человѣческое сердце, это—вода живая, безъ которой душа человѣка замираетъ, какъ цвѣтъ на изсохшей землѣ. Это Благовѣстіе нѣкогда обновило языческой міръ, весь во злѣ лежавшій и изнемогшій подъ бременемъ заблужденій и преступленій. Оно возстановило человѣка въ его первоначальномъ природномъ достоинствѣ и открыло ему путь къ блаженству и святости. Для продолженія Своего спасительнаго дѣла Господь нашъ Іисусъ Христосъ основалъ Церковь, которая, какъ возстановляющее и оживляющее человѣка учрежденіе, есть истинная мать и воспитательница принадлежащихъ къ ней людей. Поэтому только подъ постояннымъ руководствомъ и вліяніемъ Церкви школа можетъ осуществить свою высокую задачу—воспитать юношество въ твердыхъ нравственныхъ правилахъ. „Если вы хотите, чтобы ваши дѣти повиновались вамъ, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — начните воспитывать ихъ въ страхѣ Господнемъ. Воспитывая сына въ страхѣ Господнемъ, ты пріучишь его всему противостоять и ничѣмъ не увлекаться; ты раскроешь въ душѣ его

величественный образъ Творца, дѣлая его, подобно Творцу, кроткимъ, терпѣливымъ, милосерднымъ, благотворительнымъ и высшимъ всего земного. Не безразумно ли учить дѣтей искусствамъ, ничего не жалѣя для такого ихъ образованія, а о воспитаніи и наставленіи ихъ въ ученіи Господнемъ не заботиться?.. Не будемъ поступать такимъ образомъ и послушаемъ увѣщанія апост. Павла: станемъ воспитывать своихъ дѣтей въ наказаніи и ученіи Господнемъ“. А такъ какъ многіе родители не понимали (и не понимаютъ теперь) важности такого воспитанія дѣтей, то св. отецъ старается внушить имъ это: „не считайте излишнимъ для дѣтей Св. Писанія: оно то и научитъ ихъ почитать отца и мать. Отъ этого и вы столько же получите пользы, сколько и они сами. . Въ священныхъ книгахъ сынъ твой узнаетъ правила своего поведенія, особенно, если будетъ проникать въ нихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Не говорите, что въ дѣтствѣ еще не время заниматься религіей. Я утверждаю, что такое занятіе не только полезно, но и необходимо для сего возраста. *) Полное оправданіе этихъ мудрыхъ завѣтовъ можно видѣть на многочисленныхъ примѣрахъ святыхъ мужей изъ общецерковной и нашей русской исторіи: Василій, Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, св. Николай Чудотворецъ, преп. Антоній и Феодосій пещерскіе, Сергій Радонежскій, Александръ Невскій, святители Тихонъ Задонскій, Митрофанъ Воронежскій, Дмитрій Ростовскій, Феодосій Черниговскій и многіе другіе ознаменовали себя подвигами добродѣтелей въ своей святой жизни, главнымъ образомъ, потому, что въ молодости получили религіозно-нравственное воспитаніе. Съ другой стороны, и выдающіяся событія нашей отечественной исторіи, какъ побѣды надъ врагами вѣшними и упрямое и упорядоченіе внутреннихъ неурядицъ, принимали благоприятный исходъ, преимущественно благодаря глубокой вѣрѣ нашихъ предковъ, безъ сомнѣнія, заложенной въ ихъ душахъ съ дней юности.

Замѣтимъ, однако, что безъ поддержки семьи одна школа не въ силахъ благотворно повліять на дѣтей. Строй семейной

*) См. „Православно-русское слово“, 1902 года, № 6, стр. 466—7.

жизни въ нашемъ образованномъ обществѣ часто не благопріятствуетъ развитію у дѣтей вѣры и благочестія. Положимъ, законоучитель объяснилъ дѣтямъ на урокѣ, что завтра большой праздникъ, въ который непременно слѣдуетъ пойти въ храмъ и помолиться. Ребенокъ приходитъ домой и слышитъ, что его родители вечеромъ собираются въ театръ и берутъ его съ собою. И слова законоучителя пропадаютъ безслѣдно. Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ слышитъ въ своей семьѣ легкомысленныя насмѣшки надъ религіозными вѣрованіями: здѣсь примѣръ родителей разрушаетъ воспитательное вліяніе законоучителя въ самомъ основаніи.

Школа и семья должны, слѣдовательно, тѣсно соединиться для поднятія религіозно-нравственнаго воспитанія юношества. Законъ Божій долженъ занимать въ школѣ центральное мѣсто, не по числу уроковъ только, но, главнымъ образомъ по серьезности и жизненности его преподаванія, такъ чтобы не заглушался уроками или лекціями другихъ преподавателей. Необходимо, далѣе, чтобы преподаваніе остальныхъ предметовъ и весь воспитательный строй школы были въ согласіи съ истинами и правилами христіанской религіи. Семья же съ своей стороны должна поддерживать это религіозно-нравственное воздѣйствіе школы на юношество, всегда подавая дѣтямъ добрый примѣръ исполненіемъ церковныхъ правилъ относительно посѣщенія Богослуженія, постовъ, ежедневной молитвы и пр. При дружной работѣ школы и семьи скоро исчезнутъ тѣ печальныя явленія среди нашей молодежи, которыя теперь удручающимъ образомъ дѣйствуютъ на каждого русскаго человѣка; нравственный уровень юношества станетъ выше и жизнь — какъ школьная, такъ и общественная — пойдетъ спокойнѣе и усѣбнѣе. („Орд. Е. Вѣд.“).

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Странное время мы переживаемъ! Странные люди со странными требованіями освободительнаго движенія выдѣлились въ нашемъ государствѣ. Мучимые жаждой свободы, чрезъ мѣру хлебнувъ неразбавленнаго вина свободы, начинаютъ винить и

наказывать правителей, послѣдствіемъ чего рѣбки крови.. масса увѣчій... и страшныхъ ранъ... Неблагодѣтельные элементы нашего государства, революціонные и анархическіе, дѣлаютъ своего дѣла неустанно... Заряжаютъ оружія, готовятъ бомбы, точатъ ножи, нападаютъ на высшихъ сановниковъ, на служащихъ въ коммерческихъ предіриятіяхъ, бьютъ изъ за угла,, а то и прямо съ фронта, грабятъ банки, казенки, магазины, мирныхъ жителей... Благодѣтельные же элементы государства вмѣсто того, чтобы подавить дѣло мятежа, идти на встрѣчу анархіи, бороться съ нею всѣми мѣрами,—только бранятся и критикуютъ. Часто не могущіе управиться съ собственными дѣлами—они находили всѣхъ государственныхъ людей дурными. Авторитетъ Правительства подрывался на каждомъ шагу. Поддержки, сочувствія государственный человѣкъ не встрѣчалъ. Такъ и напрашивается на справку пословица: „чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу“. Все въ рукахъ правителей было плохо, неудачно, только мы пайники, только мы люди зрѣлаго государственнаго ума! И безъ конца критикуемъ и критикуемъ! Какъ говорить, „на словахъ—какъ на органахъ“, а дѣло то со стороны положительныхъ элементовъ общества не видно. Есть, конечно, и такіе въ нашей необъятной богоспасаемой Россіи, которые состоятъ въ области беззачальнаго созерцанія. Неспособные сами на дѣло, преднамѣренно, ради только того, чтобы не нарушить своего покоя, ко всѣмъ подлаживаются и со всѣми соглашаются: это значитъ безпартійные. Или въ лучшемъ смыслѣ слова: наша хата съ краю, ничего не знаю“,—„а то бомбу подбросятъ“, думаютъ про себя. Вдумчиво оглядываясь на все происшедшее у насъ на глазахъ, останавливаешься порой на мысли, ужъ не эпидемія ли психическаго заболѣванія пронеслась надъ русскимъ обществомъ?! Ропотъ... недовольство... волненія... убійства... все это переплелось между собой. Ложно и безтолково понятое „освободительное движеніе“ прямо-таки безуміемъ отзывалось. Волѣзненные проявленія помраченнаго разсудка и совѣтъ больной воли—признаки разложенія человѣчества, неспособнаго къ государственной жизни среди цивилизованныхъ народовъ. Чѣмъ объяснить?... Людей, любящихъ

свою родину съ готовностью отдать за нее жизнь, людей долга, людей вѣрныхъ Церкви и своему Самодержавному Государю, поносить, какъ негодяевъ, а на страницахъ газетъ „львыхъ“, во имя свободы слова и убѣждений, клеймятъ именемъ „черносотенецъ“, распинаютъ у позорнаго столба, величаютъ лицемѣрно, пригибая колѣна, „истиннорусскими людьми!“ Чѣмъ объяснить? „Львыя“ съ грубой бранью обрушиваются на гражданина долга, на человека — христіанина, и употребляютъ противъ него всѣ средства вплоть до бойкота и убійства! Революціонная вакханалія не терпитъ на пути своемъ людей съ честными убѣжденіями, — людей порядка, законности и долга! Чтобы посеять смуту въ народѣ, устно и печатно „крайніе“ искажаютъ факты. Сколько революціонныхъ газетъ и листовъ разныхъ названій выбрасывается народу?! Все это для того, чтобы поднять народъ противъ Правительства. Разгромы цѣлыхъ городовъ, поджоги помѣщичьихъ усадебъ, — показатели неразборчивости въ средствахъ нашего темнаго мужика получить „землю и волю“. Все горе въ томъ, что нашъ мужикъ неграмотецъ, политически не воспитанъ, не можетъ разобраться въ друзьяхъ и врагахъ, вѣрить всякому печатному слову, не справляясь съ источникомъ этого печатнаго слова, и, такимъ образомъ, представляетъ собой благоприятную почву — сѣять плевелы смуты. Благо, что, „крайніе“ успѣли, особенно во внутреннихъ губерніяхъ, вбить въ голову мужика, „не довѣрять Правительству“, а кому слѣдовало объ этомъ знать, чтобы предупредить зло, — проспали!

Что сказать о нашихъ милыхъ дѣтяхъ, будущихъ гражданахъ свободной Россіи? Наши милыя дѣти пошли впереди милыхъ паначъ и мамачъ. Во имя той же свободы дѣти наши не стыдятся и не боятся родителей, начальниковъ, учителей и воспитателей. Не говоря уже объ университетахъ и др. высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ еще все толкуется на одномъ мѣстѣ, учиться или не учиться, въ нашей средней школѣ всѣхъ видовъ и типовъ прогрессируетъ духъ мятежныхъ бунтарей. Школа на дорогѣ разложенія: теперь хозяева школы ученики, а не учителя. Захочу — буду учиться, а не захочу — никто не имѣетъ права меня принуждать. Ученикамъ не понравился начальникъ, учитель, объявляютъ ему бойкотъ,

устраиваютъ обструкцію, гонятъ изъ класса... Для дѣтей безпринципныхъ подъ вліяніемъ злой воли крайнихъ возможно все неприличное, все дикое, все отталкивающее. Законъ Божій въ школахъ на положеніи терпяго только предмета. Изгнаніе Закона Божія изъ школы — вопросъ времени. Теперь дѣти отъ 13 до 15 лѣтъ говорятъ законоучителю, что Законъ Божій долженъ быть необязательнымъ предметомъ. Законоучителя на урокахъ Закона Божія встрѣчаютъ пѣніемъ марсельезы или другой подобной пѣсни. Бывало, что предъ урокомъ Закона Божія дежурный не читаетъ молитвы и самъ законоучитель при демонстративномъ гробовомъ молчаніи прочитываетъ положенную молитву. Пусть родители представляютъ, что переживаетъ законоучитель отъ оскорбленія со стороны ихъ милыхъ дѣтей. Возстали на Бога и на Христа Его! Приготовишки, первоклассники, вообще наивная милюзга, подъ руководствомъ учениковъ старшихъ классовъ, заразившись „освободительнымъ движеніемъ“, спородировали маленькихъ акробатовъ на аренѣ цирка или телятъ съ поднятыми хвостами въ лѣтнюю пору на лугу. Мы тоже граждане, говорятъ подростки, хотя и пишутъ диктанты съ ошибками, тетрадки имѣютъ съ кляксами, по ариѳметикѣ въ журналахъ частоголъ... Милюзга и юноши принялись визжать, пищать, прыгать по класснымъ партамъ, бросать чернильницей чрезъ стеклянную дверь въ проходящаго по корридору мимо учителя, выбивать стекла въ окнахъ училищнаго зданія, обливать сѣрной кислотой строгихъ, а потомъ и нелюбимыхъ, преподавателей, производить взрывы въ училищныхъ зданіяхъ, разливать вредныя для здоровья зловонныя жидкости въ классныхъ комнатахъ съ цѣлю прекратить учебныя занятія, стрѣлять изъ браунинговъ и т. д., предполагая, что во всѣхъ этихъ эволюціяхъ именно и выражается „свобода личности“. Что сказать о нашихъ университетахъ? Вопросъ на европейскій взглядъ довольно дикій: студентъ добивается права входа въ университетъ затѣмъ, чтобы въ немъ получить знанія, а для этого онъ, конечно, долженъ учиться. Истина весьма простая и понятная всякому, но часть русской молодежи полагаетъ, что зданія университетовъ, выстроенныя на народныя деньги исключительно для цѣлей науки, могутъ быть

употреблены на что угодно и кромѣ науки, лишь бы это было съ ихъ разрѣшенія. Во всемъ мірѣ, кромѣ Россіи, храмъ науки есть храмъ и ничѣмъ другимъ не можетъ и не долженъ быть. Цѣлый годъ уже объ этомъ настойчиво говорить значительная часть печати всѣхъ направлений, но съ этимъ упорно не желаетъ считаться наша учащая молодежь. Впрочемъ ее больше не слѣдовало бы называть „учащейся“, а политиканствующей молодежью. Прежде слово студентъ-учащійся звучало гордо, а теперь оно отзывается какой-то ироніей. Два года многіе носили это званіе, добившись его цѣною восьми, девятилѣтняго труда, но за эти два года они вѣдь ровно ничему не учились („Свѣтъ“ № 228-й 1906 г.). Слѣдовательно изъ этой стороны Россія многострадальная терпитъ неудачи. Россіи нужны люди ученаго труда, нужны устроители мирнаго ея обновленія, а наша университетская молодежь своими забастовками только препятствуетъ правильному ея развитію по пути прогресса. Университетъ даетъ тонъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Россіи: среднимъ и низшимъ. Университетъ забастовалъ, отъ чего же не забастовать ученикамъ и ученицамъ нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній?! Бастуй, братцы, „во всею!“ Хорошо, что представилась причина освободиться отъ занятій! И идетъ день за днемъ, и пріучается молодежь срывать уроки и къ ничего недѣланію, а въ концѣ концовъ вырабатываются люди неспособные къ труду или, въ крайнемъ случаѣ, навывшіе прожигать жизнь до самоубійства. Хотя бы студенты пожалѣли своихъ маленькихъ братьевъ и сестеръ и посовѣтовали имъ учиться! Общественное порицаніе сосредоточивается всецѣло на воспитавшей ихъ семьѣ, и на несумѣвшей ихъ перевоспитать школѣ. Правда, со стороны родителей школа не встрѣтила поддержки. Началась переоцѣнка цѣнностей! Эта переоцѣнка цѣнностей совершалась въ духѣ освободительнаго движенія но напередъ выработанному масштабу. И что же случилось? Начальниковъ, учителей и учительницъ, имѣвшихъ гражданское мужество отстаивать честь школы, крайніе элементы нашего общества предавали публичному суду: травили ихъ, бросали въ нихъ грязью за то, что они по убѣжденію были христіанами, — за то, что были проводниками законности и порядка! Обвинителями начальниковъ

учебныхъ заведеній являлись всѣ, кому была охота, вплоть до еврейскаго раввина. Дѣти почувствовали подъ собою почву и вошли въ роль хозяевъ учебнаго дѣла. Дѣтская логика привела ихъ къ печальному для педагогическаго персонала выводу. Родители и старшіе ругаютъ учителей, критикуютъ ихъ дѣятельность, слѣдовательно, дѣти, по своей логикѣ, дѣлаютъ выводъ, что учителя вполне этого заслужили, а потому, въ отношеніи ихъ, т. е. учителей, допустима со стороны дѣтей всякая гадость. Родители, осудивъ учителей, сами сѣли въ то кресло, которое готовили педагогамъ. Авторитетъ вообще власти въ глазахъ дѣтей теперь подорванъ. Дѣти считаютъ себя умнѣй родителей! На родительскихъ собраніяхъ, на которыхъ въ первое время было много лицъ, не имѣющихъ никакого прикосновеннаго отношенія къ школѣ, восхищались рѣчами дѣтей и рукоплескали имъ. Предъявленныя требованія всевозможныхъ свободъ (какъ, напр., необязательность ходить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ церковь, необязательность общей ученической молитвы предъ уроками и др.) выслушивались родителями, начальниками учебныхъ заведеній, учителями, какъ должное; находили эти требованія умными и удобопріемлимыми. Курсы на аплодисменты поднялся. Всѣмъ хотѣлось говорить и сорвать аплодисменты. Даже батюшки, говорившіе въ духѣ моднаго движенія, награждались аплодисментами. Дѣти выросли въ собственныхъ глазахъ, стали смотрѣть на себя, какъ на нѣкую великую силу. Смотрите-ка, какія умныя требованія наши дѣтки предъявили школѣ! — говорятъ родители, съ умиленіемъ глотая слезы; до сѣдыхъ волосъ дожили, а не додумались до чего нибудь подобнаго! А, между тѣмъ, эти петиціи, составленныя гдѣ то „виѣ“ съ небольшимъ добавленіемъ отсебятины, переписывались и пересылались по учебнымъ заведеніямъ. Начальники и учителя учебныхъ заведеній прежде строгіе, теперь боятся учениковъ, потому что съ 17 октября 1905 г. душа учениковъ слѣлалась столь нѣжна, что не выносить малѣйшаго знака подчиненія; обученіе такъ облегчено, что почти равняется неученію, самостоятельныя работы на дому продѣлываются слабо и не всегда аккуратно, потому что въ дѣтяхъ мало серьезной вдумчивости и самостоятельности. Учитель, какъ выучное животное, выносить этихъ

милыхъ дѣтокъ „топъ... тонъ“... на своихъ плечахъ... на то онъ и учитель! Такъ называемое „освободительное движеніе“ наши дѣти вынесли и на улицу. На людныхъ городскихъ улицахъ, во время большихъ перемѣнъ, можно встрѣтить дѣтей всѣхъ возрастовъ; — особенно выдѣлились ученики старшихъ классовъ, щеголяющіе въ видѣ атлетовъ, съ густыми усами и бакенбардами, съ шапкой на затылкѣ или въ казацкой папахѣ, громко политиканствующихъ на разные темы; отъ мальчиковъ не отстаютъ и дѣвочки въ самыхъ разнообразныхъ головныхъ уборахъ вплоть до фуражекъ разныхъ цвѣтовъ, между которыми преимуществуетъ „красный“. А сколько въ этихъ дѣтяхъ гордости, самоувѣренности! Чтобы на улицѣ уступить дорогу старшему, — никогда! Толкнуть локтемъ, бокомъ, и не извиниться — право свободного гражданина на основаніи дарованныхъ свободъ. Въ залахъ вокзаловъ I класса, въ гостинныхъ на пароходахъ, приходилось наблюдать учащихъ за столиками съ нивомъ, водкой и почти всѣхъ курящими. Посмотришь на этихъ будущихъ гражданъ свободной Россіи и улыбнешься сквозь слезы! Если эти будущіе граждане забыли печатныя школьныя правила, какъ должны держать себя благовоспитанные юноша и дѣвица изъ учащихъ, то едва ли въ будущемъ они будутъ благонамѣреннымъ элементомъ въ нашемъ государствѣ! Вѣдь правила школы — законъ школы къ точному исполненію учащимися! Семья и школа, если не пріучила дѣтей уважать и исполнять школьныя правила, то въ будущемъ эти дѣти не будутъ уважать и исполнять законовъ государства!

Въ сочиненіи греческаго философа Платона „О государствѣ“ (кн. VIII гл. 14) есть одно мѣсто, содержащее удивительно мѣткую характеристику нашего современнаго настроенія. Можно подумать, что оно написано только вчера, а не въ IV вѣкѣ до Р. X. Приводимъ его въ сокращенномъ переводѣ. „Когда у государства, мучимаго жаждой свободы, окажутся плохіе виночерпій, и оно чрезъ мѣру хлебнетъ неразбавленнаго вина свободы, то оно начинаетъ винить и наказывать правителей, какъ негодныхъ и склонныхъ къ олигархіи, если только они не будутъ очень уступчивы и не дадутъ свободы

волю. Людей, повинующихся властямъ, поносятъ, какъ него-
дцевъ и добровольныхъ рабовъ, а правителей, подобныхъ управ-
ляемымъ, и управляемыхъ, подобныхъ правителямъ, осыпа-
ютъ похвалами и почестями какъ частнымъ образомъ, такъ
и официально. Отецъ приучается подражать сыну и бояться
его, а дѣти не стыдятся и не боятся родителей во имя сво-
боды. Временный обыватель (metikos) уравнивается съ граж-
даниномъ и гражданинъ съ обывателемъ, точно также и ино-
странецъ. Учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а уче-
ники съ презрѣніемъ относятся къ учителямъ и воспитате-
лямъ: молодые люди равняютъ себя старшимъ и состязаются
съ ними въ словѣ и въ дѣлѣ, а старцы, поддѣлываясь къ
юношамъ, преисполняются учтивости и любезности, чтобы не
показаться имъ неприятными или деспотичными. Купленные
рабы и рабыни становятся столь же свободны, какъ и ку-
пившіе ихъ. Въ отношеніяхъ женъ къ мужьямъ и мужей къ
женамъ воцаряется полное равноправіе и свобода. Даже со-
баки, лошади и ослы начинаютъ ходить вполне свободно и
важно, толкаютъ на улицахъ встрѣчныхъ, еслитъ не усту-
паютъ имъ дороги. Подъ вліяніемъ такой полной свободы, ду-
ша гражданъ дѣлается столь вѣжкою, что не выноситъ ма-
лѣйшаго знака подчиненія; въ концѣ концовъ они перестаютъ
повиноваться законамъ писаннымъ и неписаннымъ, чтобы у
нихъ нигдѣ не было никакого господина.

Пермт. Еп. Вѣд.

Учебное пособие по законовѣдѣнію.

(Продолженіе*).

Кодификація законовъ. Полное собраніе законовъ. Сводъ законовъ.

Въ настоящее время законодательства культурныхъ государствъ
настолько велики и разнообразны по своему объему, что чисто прак-
тическія потребности вызвали появленіе обширныхъ собраній зако-

*) См. Омск. Епарх. Вѣд. № 19.

новъ. Цѣль каждаго собранія состоитъ въ томъ, чтобы облегчить практику, сводя въ одно обозримое цѣлое массу разнородныхъ и одновременныхъ узаконеній и наглядно показавъ ихъ взаимное отношеніе.

Различаются два разные типа такихъ сборниковъ: 1) инкорпорация, которая состоитъ просто въ систематическомъ объединеніи дѣйствующихъ законоположеній, при чемъ содержаніе остается неизмѣненнымъ, мѣняется только форма, 2) кодификація, которая содержитъ въ себѣ систематическую переработку дѣйствующаго права, направленную къ приданію ему внутренняго единства и полноты путемъ выполнения пробѣловъ, устранения неточностей и противорѣчій, уничтоженія устарѣвшихъ нормъ, — здѣсь такимъ образомъ возникаетъ въ результатѣ новый законъ, а не простое измѣненіе формы стараго.

Въ настоящее время уже никто не мечтаетъ о написаніи сразу совершенно новаго идеальнаго права по рецепту школы естественнаго права. Всѣ культурныя страны въ теченіе XIX в., въ большей или меньшей степени, занимались приведеніемъ въ систему своего права, при чемъ составляемые сборники опирались на ранѣе изданныя узаконенія и въ разной степени приближались къ типу кодификаціи или инкорпорациі. Главное исключеніе составляетъ до сихъ поръ Англія, гдѣ кодифицированы лишь небольшіе сравнительно отдѣлы права, а главная масса законодательнаго матеріала остается безъ систематической обработки, въ результатѣ чего матеріалъ этотъ достигъ колоссальныхъ размѣровъ и дѣлаетъ изученіе и примѣненіе дѣйствующаго права крайне затруднительнымъ.

Конечно, всякое собраніе законовъ имѣетъ свои недостатки. Даже наиболѣе консервативныя инкорпорациі вносятъ въ содержаніе права нѣкоторыя неизбѣжныя измѣненія, нельзя въ нихъ уберечься отъ ошибокъ и неточностей, иногда трудно поправимыхъ; практика должна приспособляться къ новой формѣ изложенія, на что требуется время и трудъ. Но всѣ эти недостатки покрываются тѣми несомнѣнными преимуществами, которыя имѣетъ право кодифицированное надъ некодифицированнымъ. Преимущества эти состоятъ въ легкой обозримости законодательнаго матеріала, въ его систематическомъ расположеніи, въ наглядномъ выдѣленіи дѣйстви-

ющаго права отъ утратившаго силу, въ ясномъ обнаруженіи пробѣловъ и противорѣчій въ дѣйствующемъ правѣ.

Кодификація есть дѣло весьма сложное; приступать къ ней можно лишь тогда, когда въ распоряженіи государства имѣется достаточно подготовленныхъ силъ для выполненія этой задачи; иначе можетъ получиться такой кодексъ, недостатки котораго будутъ превышать все неудобства, связанные съ примѣненіемъ некодифицированнаго права. Особенно велика эта опасность, если дѣло идетъ не объ инкорпорации, а о кодификаціи въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Для большаго и нагляднаго уясненія хода вопроса о кодификаціи въ Россіи, нелишне указать на древнѣйшіе памятники. Въ этомъ смыслѣ для внутренней исторіи источниковъ русскаго права имѣютъ значеніе договоры русскихъ съ греками и съ нѣмцами. Договоры греками заключены: въ 907 году съ Олегомъ, въ 911 съ нимъ же, въ 945 съ Игоремъ, въ 972 съ Святославомъ. Въ 907 году Олегъ пошелъ на грековъ, собравши множество Варягъ, Славянъ (ильменскихъ), Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ. Стѣснивши самый Константинополь, онъ заставилъ грековъ заплатить единовременный выкупъ по числу воиновъ его и затѣмъ, нѣсколько отступивъ отъ города, заключилъ миръ съ царями Львомъ и Александромъ черезъ посредство пяти своихъ пословъ. Главные пункты договора: 1) въ обязательствѣ грековъ платить дань русскимъ на каждый изъ старшихъ городовъ, въ которыхъ сидѣли князья— подручники Олега (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и пр.), 2) въ обязательствѣ грековъ давать кормъ тѣмъ русскимъ, которые приходятъ въ Византію, а гостямъ русскимъ мѣсячное содержаніе. Греки съ своей стороны прибавили условіе, чтобы русскіе, приходя въ Византію, жили въ одномъ предмѣстьи Св. Мамы, и чтобы входили въ городъ только одними воротами въ сопровожденіи императорскаго чиновника. Побѣжденные греки согласились на все, что требовалъ Олегъ для русскихъ, только прибавили необходимую оговорку, чтобы эти руссы, приходящіе въ Византію, не разбойничали на улицахъ и въ окрестностяхъ Византіи. Бѣдное содержаніе договора 907 г. казалось на первыхъ порахъ достаточнымъ (дань и кормъ были для русскихъ главнѣе всего), но въ слѣдующіе годы сами греки должны были внушить о необходимости болѣе подробныхъ условій, и въ 911 г.

заключенъ второй договоръ въ Византіи, черезъ пословъ Олега; этотъ договоръ гораздо богаче перваго юридическимъ содержаніемъ; онъ касается отношеній (уголовныхъ и гражданскихъ) между греками и русскими, находящимися въ Византіи, международныхъ обязательствъ русскихъ возвращать имущество грековъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, взаимнаго выкупа и возвращенія въ отечество рабовъ и плѣнниковъ. Въ 944 году миръ былъ нарушенъ русскимъ княземъ Игоремъ, который опять пошелъ на Византію со всѣми почти подвластными племенами и союзниками-печенѣгами; но греки не были захвачены врасплохъ, и походъ былъ неудаченъ; тогда въ 945 г. былъ заключенъ новый—третій договоръ съ греками, въ который включены статьи договоровъ 907 и 911 г.г. съ нѣкоторыми измѣненіями не въ пользу русскихъ и съ добавленіями о пограничныхъ странахъ. Ольга жила съ греками въ мирѣ и сама ѣздила въ Византію, но сынъ ея Святославъ хотѣлъ со всѣмъ переселиться на Дунай въ Болгарію; въ войнѣ 971 года онъ былъ побѣжденъ греками и заключилъ (четвертый) договоръ, дошедшій до насъ въ полномъ видѣ, но весьма бѣдный содержаніемъ (ограничивается только клятвою Святослава быть въ вѣчномъ мирѣ съ греками). Договоры эти были написаны на греческомъ языкѣ и тогда же переведены на славянскій весьма не искусно и неправильно. Право, выраженное въ договорахъ, не есть ни право византійское, ни чисто русское; оно составлено искусственно договорившимися сторонами для соглашенія русскаго обычнаго права со столь отличнымъ отъ него культурнымъ византійскимъ правомъ. Однако, въ договорахъ этихъ гораздо больше слѣдовъ русскаго права, чѣмъ права византійскаго: культурному народу легче приспособиться къ младенческому, чѣмъ наоборотъ. Такъ за убійство установлена смерть, что для грековъ означало смертную казнь, а для русскихъ мечь рукою родственниковъ убитаго; конфискація имущества (разграбленіе) въ замѣнъ мести по договорамъ допускается, но не простирается на имущество жены преступника; за кражу полагается имущественное наказаніе (двойное или тройное), возвращеніе цѣны вещи, и сверхъ того воръ долженъ былъ быть наказанъ „по закону греческому и по уставу и закону русскому“. Поэтому договоры, не устанавливая нормъ для отечественнаго русскаго права, имѣютъ однако значеніе и для внутренней

исторіи источниковъ русскаго права: подъ вліяніемъ народа высшей культуры русскіе въ первый разъ пробуютъ выразить нормы своего права въ объективной (письменной) формѣ и притомъ сдѣлать ихъ для себя обязательными по силѣ внѣшняго принужденія и клятвы. Подобное же значеніе имѣютъ и договоры съ нѣмцами, хотя и относятся ко времени гораздо болѣе позднему, именно къ XII и XIII в. в. Съ нѣмцами заключали договоры западныя русскія земли: Новгородская, Смоленская, Полоцкая, Галицкая заключали договоры съ Ганзейскими городами, Готландомъ, Ригою, нѣмецкими орденами, Швеціею. Въ отличіе отъ договоровъ съ греками въ нихъ содержаніе юридическихъ нормъ (въ нѣкоторыхъ весьма богатое) почти тождественно съ русскимъ правомъ (благодаря культурной близости обѣихъ договаривающихся сторонъ); тамъ, гдѣ нѣмецкое право противорѣчитъ русскому въ договорахъ беретъ перевѣсъ русское; потомъ ими большею частію опредѣляется въ равной степени и положеніе нѣмцевъ на территоріяхъ русскихъ государствъ и положеніе русскихъ на нѣмецкихъ; такимъ образомъ договоры имѣютъ значеніе внутренняго дѣйствующаго права.

Переворотъ, произведенный въ русскомъ обществѣ христіанствомъ, кромѣ рецепціи, вызвалъ и самостоятельную законодательную дѣятельность среди русскихъ. Уже Владиміръ далъ нѣсколько уставовъ: онъ „съ новыми отцы нашими-епископы снимаяся часто, совѣщашася, како въ чловѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити“. Онъ думалъ и съ дружиною „объ уставѣ земленѣмъ“. Появился уже законъ въ формѣ уставовъ, т. е. отдѣльных постановленій по одному или нѣсколькимъ вопросамъ. Уставы издавали потомъ въ большомъ числѣ Ярославъ, его сыновья и послѣдующіе князья (они вошли въ составъ Русской Правды).

Русской Правдой называется рядъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами изъ княжескихъ уставовъ, обычнаго права и частію византійскихъ источниковъ. Русская Правда не есть кодексъ, данный Ярославомъ и дополненный его сыновьями и Владиміромъ Мономахомъ. Въ пользу мнѣнія о частномъ составленіи сборниковъ говорить, во 1-хъ разнообразіе состава Правды въ разныхъ спискахъ, во 2-хъ употребленіе 3-го лица въ отношеніи къ законодателю; въ 3-хъ внесеніе въ списки Русской Правды незаконодательнаго матеріала и иногда смѣшанное изложеніе ея статей со статьями византійскихъ источниковъ. Русская Правда дошла до

насть во множествѣ рукописей; древнѣйшая изъ нихъ (синодальная) относится къ XII в. Въ этихъ спискахъ наименование памятника, порядокъ и число статей большею частью различны. Однако вообще въ нихъ можно различать три редакціи: краткую, пространную и сокращенную изъ пространной. Въ первой изложены уставы Ярослава и его сыновей, во второй Русская Правда, сложившаяся въ XII и XIII в. в. изъ уставовъ упомянутыхъ князей и послѣдующихъ дополненій. Третья редакція не имѣетъ значенія. Такимъ образомъ въ составѣ Русской Правды различаемъ три сборника: правду Ярослава, правду Ярославичей и правду пространную. Правда Ярослава составлена не позже времени Ярослава, но не всѣ уставы Ярослава вошли въ нее. Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями, какъ всѣми тремя въ совокушности, такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности. Сборникъ не заключаетъ всѣхъ уставовъ Ярославичей, но за то заключаетъ въ себѣ уставы, изданные раньше Ярославичей. Правда пространная имѣетъ двѣ половины: 1-ю законченную, вѣроятно, при Мономахѣ, 2-ю дополнительную. Первая половина есть систематическій сводъ правды Ярослава и его сыновей и послѣдующихъ узаконеній; вторая—позднѣйшія приписки, вносимыя въ сборникъ цѣлыми уставами. Составъ пространной правды окончательно сложился не позже половины XIII в. Русская Правда въ главной своей основѣ имѣетъ княжескіе уставы. Княжескіе уставы иногда возникали по частнымъ поводамъ, когда князю приходилось судить кого-либо и дать приговоръ, не имѣющій основаній въ предшествующихъ уставахъ. Такимъ образомъ судебные приговоры могутъ быть признаны особыми источниками Русской Правды. Но судебные приговоры основывались большею частью на обычномъ правѣ; собирая ихъ, составитель собиралъ собственно постановленія обычнаго права. Собиратели несомнѣнно включали въ сборники и выбранныя отдѣльныя постановленія изъ византійскихъ кодексовъ.

Русская Правда есть попытка неофициальной кодификаціи законовъ; кодификація законодательная предпринята лишь въ XIV и XV в., именно въ Псковскихъ и Новгородскихъ судебныхъ грамотахъ. Псковская судебная грамота, по надписавію ея, издана „всѣмъ Псковомъ на вѣчи въ лѣтѣ 6905 (1397) по благосло-

венію поповъ всѣхъ 5 соборовъ“. Но 5-й соборъ установленъ въ Псковѣ лишь въ 1462 г., а потому цифру 6905 обыкновенно считаютъ ошибкой переписчика. Предлагають читать 6975. Однако возможно примирить эти противорѣчія слѣдующимъ образомъ: Псковскій кодексъ составлялся не въ одинъ разъ: первоначальная его редакція можетъ и должна быть отнесена къ 1397 г., такъ какъ въ 1395 году была отмѣнена дѣйствовавшая въ Псковѣ грамота Діонісія, а въ 1397 году Псковъ, по договору съ Новгородомъ, достигъ полной независимости, а это должно было отразиться на его внутреннемъ законодательствѣ. Затѣмъ во 2-й половинѣ XV в. грамота была дополнена на новомъ вѣчѣ, безъ уничтоженія и первой ея части, тогда было дополнено и ея заглавіе указаніемъ на 5 й соборъ. Можно думать, что въ концѣ XV в. грамота была дополнена и въ 3-й разъ.

Источники Псковской судебной грамоты во 1-хъ уставы княжескіе, а вторымъ источникомъ были псковскія пошлыны, т. е. обычное право. Псковскій законъ черпаетъ свое содержаніе изъ обычая; онъ отличается отъ обычая только вѣншею принудительностью, (выразившеюся въ наложеніи законодателями на самихъ себя церковной клятвы) и въ письменной формѣ (подлинникъ узаконеній хранится „въ ларѣ Св. Троицы“, „раздрать грамоту“ значитъ уничтожить самый законъ): инициатива закона принадлежитъ посаднику, а принятіе его и отмѣна—вѣчу („господину Пскову“), разумѣется, съ участіемъ князя (ст. 108).

Новгородская судебная грамота дошла до насъ въ отрывкѣ (начальномъ). Она составлена около половины XV в. „вѣми 5 концами, вѣмъ государемъ Великимъ Новгородомъ на вѣчѣ на Ярославѣ дворѣ“ и потомъ по завоеваніи Новгорода великимъ княземъ Иваномъ III переписана на его имя въ 1471 г. Содержаніе дошедшаго до насъ отрывка все состоитъ изъ уставовъ судоустройства и отчасти судопроизводства, но отсюда нельзя заключать, чтобы вся грамота ограничивалась этимъ, т. е. не касалась и права матеріальнаго. Изъ содержанія грамоты видно, что она основана на обычаяхъ („по старинѣ“) (ст. 3). Затѣмъ грамота черпала изъ прежнихъ вѣчевыхъ постановленій и изъ договорныхъ грамотъ съ князьями.

Въ московскомъ государствѣ уже съ XIV в. нѣтъ никакихъ слѣдовъ дѣйствія Русской Правды. Напротивъ, несомнѣнно,

что византійскіе источники получаютъ все большую примѣнимость, благодаря возрастающему вліянію духовенства и расширенію его имущества, но въ свѣтскихъ судахъ они не могли имѣть примѣненія. Извѣстны были въ Москвѣ и мѣстные кодексы—Новгородскій и Псковскій, но, конечно, не имѣли силы закона. Итакъ, почти вся юридическая жизнь народа въ продолженіи двухъ столѣтій представлялась дѣйствию обычнаго права и частной воли князей, не выраженной въ письменной формѣ закона. Единственными письменными формами закона того времени были: а) жалованныя, б) уставныя грамоты.

Жалованныя грамоты суть привилегіи или частные законы. Начало ихъ возникло ранѣе, но вполнѣ плодородная почва для развитія этой формы закона явилась лишь въ Московскомъ государствѣ, когда власть сосредоточена была въ лицѣ великаго князя, который сталъ единственнымъ источникомъ правовыхъ нормъ. Число жалованныхъ грамотъ того времени весьма велико, и виды ихъ разнообразны. Большая часть ихъ дается монастырямъ и другимъ церковнымъ учрежденіямъ, меньшая—свѣтскимъ лицамъ. Подъ названіемъ жалованныхъ грамотъ разумѣются три совершенно различныхъ акта правительственной дѣятельности: 1) жалованныя грамоты въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. дарственные акты на имущества отъ государства частнымъ лицамъ; они содержатъ въ себѣ пожалованіе недвижимыхъ имуществъ, угодьевъ и промысловъ или укрѣпляютъ сдѣлки на недвижимыя имущества между частными лицами или между этими послѣдними и княземъ; 2) льготныя (иммунитеты), т. е. содержатъ въ себѣ освобожденіе грамотчика отъ общихъ тягостей суда и дани; въ нихъ получившій пожалованіе освобождается отъ суда мѣстныхъ властей (съ подчиненіемъ суду князя), а лица, живущія въ его имѣніи или вполнѣ подчиняются суду своего землевладѣльца или только частію (поручается владѣльцу судъ кромѣ душегубства, разбоя и тяжбы съ поличнымъ). Тоже относительно дани и повинностей въ пользу мѣстныхъ властей и пошлины при проѣздѣ и перевозкѣ товаровъ. Заключая въ себѣ изытіе изъ общихъ нормъ, жалованныя грамоты уясняютъ намъ эти нормы лишь отрицательно, т. е. общимъ правомъ должно быть признано то, отъ чего освобождается грамотчикъ. 3) Третій видъ актовъ, именуемыхъ жалованными грамотами, можетъ быть названъ грамотами охранительными (иногда называютъ ихъ заповѣдными

или указными); это акты, утверждающіе общую законодательную норму въ примѣненіи къ частному случаю и лицу. Общія нормы не устанавливаются этими грамотами, а лишь подтверждаются и санкционируются угрозами наказаній за ихъ нарушеніе; самыя же нормы уже предполагаются существующими или въ силу обычнаго права, или въ силу пожалованія, напр., каждому гражданину принадлежитъ право иска и назначенія срока явки къ суду противъ разбойниковъ, воровъ и грабителей, но это право специально утверждается особою грамотою за извѣстнымъ лицомъ; всякій можетъ защитить свой лѣсъ отъ стороннихъ порубокъ, свой прудъ отъ чужой ловли, но все эти права укрѣпляются за частными лицами; обычное право требовало отказывать крестьянъ отъ другого владѣльца въ одинъ срокъ въ году и, разумѣется, не иначе, какъ при полномъ удовлетвореніи прежняго владѣльца, но Бѣлозерскій князь укрѣпляетъ это именно за Кирилловымъ монастыремъ. Они иногда избираютъ для укрѣпленія одну изъ колеблющихся нормъ (напр. отказы крестьянъ совершались уже не въ одинъ Юрьевъ день, лѣса и воды могли быть и предметомъ частнаго владѣнія и общаго пользованія, пока не становились заповѣдными). Подобное же значеніе имѣютъ и судебные приговоры князей—правовыя грамоты, какъ укрѣпляющія по частному случаю общую норму. Самый важный видъ подобныхъ „заповѣдей“ относится къ воспрещенію незаконныхъ дѣланій и превышенія власти со стороны наместниковъ и ихъ людей. Защита государствомъ отъ этихъ послѣднихъ, обращенная ко всему населенію провинцій, составляетъ главное содержаніе грамотъ *уставныхъ*.

Уставными грамотами называются акты, опредѣляющіе мѣстное управленіе той или другой области. Уставными наместничьими грамотами опредѣляются отношенія наместника или волостеля къ жителямъ уѣзда или волости, управляемыхъ ими (напр. Бѣлозерская 1488 г., Двинская 1397 г.). Уставная грамота не есть наказъ, опредѣляющій обязанности правителя, а пожалованіе правъ населенію провинцій разъ навсегда: 1) „великій князь Василій Димитріевичъ пожаловалъ... бояръ своихъ Двинскихъ... и всехъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли“. Въ нихъ безграничная государственная власть, представителемъ которой является наместникъ, приводится въ опредѣленныя границы, именно опредѣ-

ляется не то, что долженъ дѣлать намѣстникъ, а то, чего онъ не долженъ дѣлать. Въ уставной грамотѣ содержится не исключеніе изъ общихъ нормъ, а мѣстное примѣненіе ихъ; это есть законъ мѣстный, но не привиллегія. Существенное содержаніе грамоты: кормъ намѣстника, судебныя пошлины и уголовныя штрафы въ пользу намѣстника, пошлины за вызовъ къ суду и отъ ареста обвиняемаго въ пользу слугъ намѣстника, опредѣляются отношенія судебной власти намѣстника къ суду центральному; опредѣляется составъ лицъ намѣстничьяго управленія съ цѣлю оградить населеніе отъ излишнихъ поборовъ и издержекъ на нихъ; воспрещаются незаконныя дѣйствія со стороны слугъ намѣстника, содержатся иногда немногочисленныя нормы матеріальнаго уголовного права.

(Продолженіе будетъ).

О судѣ чести.

Въ настоящее время духовенство и на пастырскихъ своихъ собраніяхъ, и на благоточиническихъ и епархіальныхъ съѣздахъ часто высказывается по вопросу о судѣ чести. Различно рѣшается этотъ вопросъ духовенствомъ: приводятся данныя въ пользу суда чести, нѣтъ недостатка и въ данныхъ противъ него. Данныя того и другаго рода и представляются въ ниженомѣщаемыхъ двухъ статьяхъ о судѣ чести: одна представляетъ собою докладъ епархіальному съѣзду священника Самарской епархіи Г. П. напечатанный въ № 18 Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, а другая — проектъ суда чести, составленный по порученію пастырскаго собранія свящ. М. Е. и напечатанный въ № 34 Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

I.

По полномочію окружнаго съѣзда и по собственному убѣжденію, я долженъ высказаться противъ установленія суда чести. Мнѣ кажется, что защитники суда чести слишкомъ идеализируютъ будущихъ судей и грѣшника. Обычно ими рисуется такая картина: провинившійся, братски, келейно, увѣще-

вается, приходитъ въ покаянное настроеніе, и благой результатъ на лицо. Но мнѣ хотѣлось бы показать обратную сторону медали. А что, если получится такая картина: обвиняемый, вмѣсто того, чтобы придти въ покаянное настроеніе и пролить слезу о своемъ окаянствѣ, вдругъ необычайно ожесточится и скажетъ судьямъ: „что вы ко мнѣ одному пристали? А сами-то вы каковы? Вотъ напримѣръ этотъ сдѣлалъ то-то, тотъ въ такое-то время вотъ что, а этотъ вотъ и вовсе негодный человѣкъ, гораздо хуже меня, а вы оставляете его въ покоѣ“. Обличаемые принимаютъ оборонительное положеніе и обрушиваются въ свою очередь на „официальнаго грѣшника“: — какое право имѣешь ты позорить насъ? Когда мы дѣлали то то и то то? Господа, будьте свидѣтели, мы на него въ судъ подадимъ! — И получится картина, достойная хорошаго каррикатуриста.

Наше сословіе, какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской печати еще никто не укорилъ въ излишней солидарности, сплоченности. А сколько вызоветь злобы, мелочныхъ дразгъ, вражды и раздѣленій пресловутый судъ чести, сколько мути и грязи подыметъ онъ изъ глубинъ человѣческой души. И стоитъ только разгорѣться страстямъ, какъ сравнительно мирная жизнь духовной среды дастъ впечатлѣніе еврейскаго кагала. Каждый изъ насъ признается, что наша брагія — не герои съ великою душой, съ широкимъ нравственнымъ самосознаніемъ, а обычные маленькіе люди съ присущими человѣчеству мелкими слабостями и нравственными дефектами. Въ качествѣ иллюстраціи припомнимъ характеристику, данную человѣчеству Христомъ, по коей люди свои и большіе недостатки уменьшаютъ до размѣровъ сучка, а даже и малые недостатки другихъ доводятъ до величины бревна. Одинъ изъ ораторовъ сравнилъ судъ чести съ судомъ Христа надъ грѣшницей. Но не должно забывать того, что въ нашемъ судѣ чести судьи не будутъ обладать авторитетомъ безгрѣшнаго Христа, а подсудимые могутъ оказаться обладателями болѣе низкаго уровня нравственной чуткости, чѣмъ евангельская грѣшница.

Затѣмъ я долженъ указать другую неудобную сторону суда чести. Было бы наивно предполагать, что этотъ судъ бу-

деть строго келейный, домашній, и что сору изъ избы не будетъ вынесено.

Вслѣдствіе отсутствія въ нѣкоторыхъ изъ судей должной мѣры нравственной чуткости, при возможномъ наличіи людей, настроенныхъ враждебно по отношенію къ подсудимому, тайна суда сохраниться не можетъ, получить большую огласку, и такимъ образомъ получится судъ не келейный, а публичный. А представьте вы себя на мѣстѣ человѣка, отданнаго на публичное позорище? Что можетъ быть жестче, безчеловѣчнѣе этого? И не окажемъ ли мы брату своему плохую услугу, доведя его, въ лучшемъ случаѣ до ожесточенія, а въ худшемъ до отчаянія? Можетъ быть я беру рѣдкіе, исключительные случаи, но если бы произошелъ и одинъ такой случай то это было бы поистинѣ страшно, ибо кто изъ насъ можетъ поручиться, какой выходъ найдетъ, его отчаяніе? Не должно забывать, что б-я заповѣдь запрещаетъ убійство не только дѣломъ, но и словомъ.

Можетъ быть кто скажетъ, что публичный судъ—судъ справедливый, потому что и грѣшитъ-то человѣкъ публично. Напомню всѣмъ пословицу: не пойманный воръ—не воръ. Всѣ замѣчали ту психологическую черточку, что къ человѣку, ведущему позорную жизнь, но не бывшему подъ судомъ (хотя бы и товарищескимъ), отношеніе окружающихъ очень ровное, его почти не чуждаются, на проступки его смотрятъ сквозь пальцы—кому какое дѣло до другого, самъ за себя отвѣтитъ. Но стоитъ только появиться ему на гласный судъ, отношеніе къ нему рѣзко мѣняется, проступокъ его судомъ какъ бы подчеркивается, послѣ суда онъ видитъ отчужденіе, косые взгляды, толки, пересуды, зачастую и сплетни. Тяжело вынести это всякому, а человѣку со слабою волей—прямо не подъ силу. Правда, его собратья еще могутъ отнестись къ нему въ духѣ христіанской любви, но человѣчески (хотя далеко не всѣ), но можно ли поручиться за всю освѣдомленную постороннюю публику?

Наконецъ имѣемъ ли мы право и можемъ ли считать себя компетентными, разбирая чужую душу? Кто изъ насъ можетъ похвалиться знаніемъ тайниковъ человѣческой души, кто можетъ прослѣдить и уяснить всѣ внутреннія и внѣшнія причины возникновенія и теченія душевной болѣзни собрата, ка-

кой прозорливецъ опредѣлить точно, самъ ли человѣкъ виновенъ въ своемъ паденіи, или среда, воспитаніе, злое вліяніе другихъ, наконецъ „независящія обстоятельства“ и многое другое. Вѣдь иной разъ не судить, а лишь пожалѣть нужно преступника и съ нимъ поплакать, и не беремъ ли мы на себя въ такихъ случаяхъ слишкомъ большей отвѣтственности.

Знаетъ человѣка, и всѣ тайны и глубины его психической жизни одинъ Христосъ. Ему во истину и должно принадлежать право суда, а для насъ оно — непосильное бремя.

Слышу возраженія: судъ чести не только не поведетъ къ публичному позору, но дастъ возможность избѣгнуть его, т. е. избѣгнуть формальнаго суда, сопряженнаго со всевозможными униженіями и оскорбленіями по отношенію къ подсудимому. Смотримъ снова на обратную сторону медали. А не будетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ актъ суда чести медвѣжьей услугой и даже... актомъ предательства. Поясню. Представьте себѣ, что на „грѣшника“ уже давно точить зубы нѣкто, но до сихъ поръ удерживается боязнью судебной волокиты, сопряженной съ не малыми хлопотами и затрудненіями: вѣдь, нужно собрать доказательства, представить свидѣтелей, да еще вопросъ, не провалятъ ли его свидѣтели. Теперь же его дѣло сдѣлано: онъ пишетъ коротенькую жалобу и въ доказательство сошлется на... актъ суда чести, а виновность „грѣшника“ предоставитъ доказать бывшимъ судьямъ чести. Судьи въ качествѣ предателей. Вотъ будетъ тяжелая душевная драма, вотъ положеніе, надъ которымъ стоило бы призадуматься. *Свящ. Г. П.*

II.

А. Необходимость суда чести.

Необходимость суда чести или товарищескаго суда вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній.

1) Существующій церковный судъ—заочный, посредствомъ переписки, а потому продолжителенъ. Судъ чести — судъ на мѣстѣ, гласный судъ и коллегіальный, съ личнымъ допросомъ обвиняемаго, обвинителя и свидѣтелей, потому судъ скорый.

2) Необходимость суда чести еще вызывается переживаемымъ временемъ, когда нестроения и пороки въ жизни духовенства слишкомъ роняютъ авторитетъ духовенства въ глазахъ пасомыхъ, а ненавистникамъ духовенства даютъ поводъ лишній разъ бросить въ него комъ грязи и чрезъ то добиваться успѣха своей антицерковной проповѣди среди простого народа.

II. Составъ совѣта суда чести.

Изъ духовенства округа избираются два священника, которые составляютъ совѣтъ суда чести. Въ него съ правомъ голоса входятъ непременно мѣстный благочинный и духовникъ. Последнимъ характеры судящихся и причины недоразумѣній могутъ быть болѣе извѣстны, чѣмъ судьямъ, которые, чтобы не сдѣлать обвиняемаго жертвой клеветниковъ, должны имѣть справки о личности обвиняемаго, обвинителя и свидѣтелей. Но если двое изъ входящихъ въ составъ совѣта отсутствуютъ, то рѣшеніе можетъ состояться и при наличности трехъ судей. Предсѣдатель суда избирается по выбору судей.

III. Кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію суда чести.

Дѣла, подлежащія вѣдѣнію суда чести, вслѣдствіе неодинаковой ихъ важности и отношенія къ нимъ суда, должны быть подраздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой категоріи относятся: дѣла о нарушеніи благожелательныхъ отношеній между членами причта и съ прихожанами, напр., споры о доходахъ, землѣ, о раздѣлѣ частей прихода между штатами причта, личныя оскорбленія, причиняемыя духовными лицами духовнымъ и мірянамъ, немирлолюбивое отношеніе членовъ причта между собою и съ прихожанами, просьбы о вознагражденіи убытковъ, ущерба, платы, небрежное веденіе церковныхъ документовъ, домашнія и семейныя неурядицы членовъ причта и т. п., вообще проступки, за которыя въ законѣ опредѣляются замѣчанія, выговоры или денежные взысканія не свыше 3 рублей. Ко второй категоріи относятся дѣла о такихъ проступкахъ, которые не могутъ быть сначала предметомъ разбирательства

всѣхъ судей: это пороки, служащіе соблазномъ для округа и приносящіе страшный вредъ церкви.

IV. Характеръ отношеній суда чести къ дѣламъ той и другой категоріи.

По дѣламъ первой категоріи на обязанности суда чести въ полномъ его составѣ или въ числѣ трехъ судей лежитъ: а) выясненіе неправильнаго образа дѣйствій виновнаго, чрезъ очную ставку и явку свидѣтелей, б) склоненіе къ миролюбію и христіанскому прощенію, в) замѣчаніе и братское вразумленіе, г) строгій выговоръ и порицаніе, д) денежный штрафъ въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, е) денежное взысканіе не свыше 3 рублей въ пользу обиженнаго и расходы по вызову судей и свидѣтелей.

Резюме рѣшенія записывается въ особый журналъ; прочая бумажная переписка должна отсутствовать. Въ крайнемъ только случаѣ недовольному предоставляется перенести дѣло на пастырское собраніе и Епархіальному Начальству. Но если жалоба на рѣшеніе совѣта окажется неправильною, то, въ предупрежденіе развитія кляузничества, виновный подвергается двойному взысканію въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія или же отвѣтственности по закону.

Иного характера должны быть отношенія суда чести къ дѣламъ второй категоріи. Явка подвергнутаго пороку клирика на засѣданіе совѣта принесетъ не пользу, а вредъ. Судъ, какъ осужденіе дѣйствій, не дастъ благихъ результатовъ, а обѣщаніе виновнаго исправиться будетъ одна ложь. Нѣтъ! Здѣсь нужна рука милующая, предупреждающая, исправляющая, товарищеское сочувствіе, а не кара. Совѣтъ въ этомъ случаѣ назначаетъ особаго судью изъ своей среды или изъ остальныхъ членовъ округа, который беретъ на себя ближайшую заботу объ исправленіи порочнаго. Велика, свята обязанность судьи въ этомъ случаѣ и прежде всего она требуетъ отъ него умѣнія, чтобы его предложеніе поддержки въ дѣлѣ самоисправленія было принято искренно, чтобы не было оскорблено чувство собственнаго достоинства больнаго, чтобы судья показалъ, что въ единеніи — сила, что онъ и самъ за-

ботится о своемъ собственномъ нравственномъ самоусовершенствованіи и тѣмъ заинтересоваль бы больного дѣломъ самоисправленія. Достигнувъ этого, судья сообразно душевному состоянію подвергнугося слабости, изыскиваетъ мѣры къ его исправленію, располагаетъ его въ пользу этой мѣры; и когда послѣдуетъ добровольное согласіе больного, будетъ настойчивъ въ исполненіи этой мѣры. Мѣры эти могутъ быть различныя: исправляющія и отвлекающія. Судья съ своей стороны не долженъ тяготиться порученною ему обязанностію, такъ какъ приобретаемая навыкъ терпѣніемъ, находчивостію, знаніемъ, тактичностію и многимъ другимъ исправлять собрата, онъ чрезъ то самое будетъ исполнять свое призваніе и становится опытнымъ пастыремъ ввѣренныхъ ему душъ его паствы, также не мало поработаетъ и на пользу собственного самоисправленія.

Какъ всякое исцѣленіе не можетъ быть безъ благодатной помощи, то о подвергнушемся слабости нужно молиться каждому собрату благочинія, по заповѣди апостола: „молитесь другъ за друга, яко да исцѣлѣете“. Дѣло судебного совѣта „помогать судѣ указаніями, нравственной поддержкой“. Въ случаѣ неисправности „назначается судѣ помощникъ для заботъ о священникѣ—изъ священниковъ, о діаконѣ—изъ діаконствъ, о псаломщикѣ—изъ псаломщиковъ“. Если въ этомъ случаѣ не послѣдуетъ исправленія, то судья вмѣстѣ со своимъ клиентомъ является на судъ совѣта, если и это оказалось безуспѣшно, то ближайшее пастырское собраніе: 1) объявляетъ обвиняемому, что его соблазнительная жизнь извѣстна округу и не соответствуетъ избранному имъ служенію и 2) рѣшаетъ вопросъ: „или терпѣть порочнаго члена въ своей средѣ, предоставивъ заботу о немъ судѣ и совѣту“ „или, если же неисправимый будетъ признанъ“ нежелательнымъ членомъ благочинія въ виду большого соблазна, собраніе проситъ объ удаленіи его изъ предѣловъ округа. Но эта послѣдняя мѣра—крайняя мѣра, къ которой нужно прибѣгать весьма рѣдко. Вообще же въ судѣ чести должно стоять на почвѣ евангельской, какъ и самая мысль о судѣ основана на евангеліи. Самъ Спаситель далъ заповѣдь обличать согрѣшающаго брата сначала между собою и тѣмъ единымъ. Возлюбленный его уче-

никъ и апостоль Іоаннь возвратилъ разбойника въ число христіанъ ни чѣмъ инымъ, какъ силою любви. Апостоль Павелъ, приведшій ко Христу многихъ изъ невоздержныхъ язычниковъ, заповѣдуетъ: челоѡка, впадающаго въ прегрѣшеніе, исправлять духомъ кротости. Слѣдовательно, если мы, пастыри, будемъ смотрѣть на братскій судъ иначе, то далеко уклонимся отъ заповѣди Христа и Его Апостоловъ и не принесемъ намъ товарищескій судъ никакой нравственной пользы.

V. Польза суда чести для духовенства.

Паденіе собрата и мѣры исправленія его вызовутъ вниманіе у каждаго къ собственной жизни: явится чувство осторожности, болѣе внимательное отношеніе къ своимъ дѣйствіямъ, своимъ обязанностямъ, строгость, требовательность къ себѣ, такимъ образомъ, судъ чести будетъ побуждать насъ вспомнить заповѣдь апостола о бодрствованіи. Затѣмъ судъ чести на многихъ дурныхъ членовъ причта подѣйствуетъ отрезвляющимъ и облагораживающимъ образомъ.

Наконецъ, развитіе интересовъ духа болѣе объединитъ и сплотитъ духовенство, сообщитъ ему силу, предохранитъ отъ разложенія, — въ противоположность интересамъ матеріальнымъ, которые способствуютъ разъединенію, упадку, потерѣ нравственнаго авторитета духовенства, что нынѣ и замѣчается.

Свящ. М. Е.

„Пламя показалось!“

Невыносимо жаркій лѣтній день. Солнце, какъ раскаленный огненный шаръ, палитъ безошадно и пашню и ниву и степь съ пожелтѣвшей травой. Изрѣдка едва, едва подуетъ вѣтерокъ, приведетъ въ движеніе горячій, какъ въ печи воздухъ и... снова все тихо, снова замерло! Жара и духота! Уныло стоитъ засохшая трава, опустила къ землѣ свои головки красная кашка, — понурились цвѣточки полевой ромашки. Вдалекѣ виднѣтся поле, покрытое уже снѣгой пшеницей, славно налились колосья! Отлично вызрѣли зерна! Много будетъ

умолота если во время собрать колосья и какъ слѣдуетъ ихъ измолотить. Рядомъ съ полосой виднѣется шалапъ. Тамъ живутъ работники хозяина пшеницы. Онъ послалъ ихъ въ полѣ смотрѣть за нивой, какъ бы чего не случилось: долго ли до бѣды въ такую сушь?.. Сладко дремлютъ одни работники — устали они смотрѣть на ниву, другіе-же занимаются своимъ дѣломъ для себя, починаятъ одежду свою — словомъ они спокойны. Да и чего словно опасаться то? Пшеница созрѣла, тучи на небѣ не видно, птица зеренъ не выклевываетъ и она изморилась отъ жары. Не чувтъ бѣды работники!.. По сухой травѣ идутъ путники и что то дѣлають. Что? Они чиркають спички и бросають ихъ на траву. Сначала какъ будто ни чего не видно. Но вотъ послышался зловѣщій трескъ, травка въ разныхъ мѣстахъ загорѣлась!.. «Смотри-ка, братъ, никакъ онъ пожаръ?» говоритъ лѣниво работникъ своему товарищу; «нѣтъ! это пыль!».. Поговорили и успокоились. А огонь дѣлаеть свое дѣло — подулъ вѣтерокъ, огонекъ быстро растеть, обращается внезапно въ громадное пламя и поддуваемый вѣтромъ летить на пшеницу!.. Боже мой! Трескъ горящей травы, громадное пламя, клубы черного дыма! Вскочили работники!.. Только теперь они увидели пожаръ, да поздно. Одинъ схватилъ ведро съ водой, но что онъ можетъ сдѣлать со стихіей? Залить громадное пламя? Другой схватилъ валяющуюся срубленную березку и бьетъ ей по травѣ и еще больше раздуваетъ пламя! Кончено!.. Погибла нива!.. Пламя кругомъ ее обхватило и черезъ нѣсколько минутъ — черное пятно тамъ, гдѣ красовались спѣлыя колосья. Какъ теперь покажутся работники на глаза своего хозяина? Что скажутъ ему въ свое оправданіе? Прозѣвали лѣнивые рабы, плохо смотрѣли за пшеницей, не замѣтили сразу огня, пущеннаго путниками и не затушили пожара въ началѣ, когда достаточно было ведра воды, лопаты земли.. Нѣтъ! Они своимъ дѣломъ были заняты!.. Опять палитъ солнце, пахнетъ гарью, уныло глядитъ черное, безобразное пятно!.. Грустная картина!..

Сектанство приближается!.. Оно уже приблизилось, бросило искры своихъ лжеученій въ траву — трава тлѣеть, рядомъ пшеница — православныя дѣти Небеснаго Отца. Потрески-

ваетъ огонекъ, поддуваетъ вѣтерокъ и пламя близко отъ пшеницы. Какъ бы она не погибла? Работники на нивѣ Христовой, пастыри Церкви, вставайте, тушите начинающійся пожаръ!... Вѣдь вамъ Господомъ ввѣрены души вашихъ пасомыхъ, о нихъ вы имате быти истязаны во второе славное Пришествіе. Смотрите, какъ бы разгорающееся сектанство не поглотило и Вашихъ пасомыхъ. Народъ нашъ—народъ темный. Плохо еще знаетъ онъ свою вѣру, плохо держитъ свой законъ и легко можетъ понасть въ сѣти сектантовъ. Братъ и сослуживецъ! Развѣ мало у тебя въ приходѣ людей, не знающихъ молитвъ, не умѣющихъ правильно перекреститься, не понимающихъ главнѣйшихъ истинъ вѣры. Скорѣе же зовите пасомыхъ въ храмъ и учите, учите ихъ, разъясняйте сущность Православной вѣры, раскрывайте гнойныя язвы сектанства!... Передо мной лежитъ книжка сектантскаго журнала, случайно попавшая мнѣ въ руки. Я смотрѣлъ на этотъ журналъ, читалъ богохульныя его статьи (назвать ихъ иначе не могу, ибо въ нихъ православіе называется идолопоклонствомъ) и думалъ: вотъ и пламя показалось. Сектантскій журналъ читается, вблизи православнаго прихода, вблизи народа темнаго, плохо понимающаго свою истинную вѣру. Да, пламя показалось и показалось въ весьма многихъ мѣстахъ нашей Епархіи. Пока еще не поздно, надо тушить. Какъ? Въ приходѣ, окрестности котораго заселены сектантами, служитъ молодой священникъ. И дѣльный человекъ! Сколько у него рогатаго скота, лошадей, сколько накошено сѣна! Все хорошо, да служить рѣдко;—некогда!... Бывало и черезъ Воскресенье, а по буднямъ занять дѣломъ. Если служить, то поскорѣе, а поученія народъ не слыхивалъ. Народъ сталъ отвыкать отъ церкви. На мѣсто этого батюшки пріѣзжаетъ другой. Служить. Въ храмѣ 10 человекъ. Почему мало? Служить часто по буднямъ, не торопясь. По праздникамъ поученіе свое отъ сердца простенькое предлагаетъ. Народъ пошелъ въ храмъ. Благодарятъ, говорятъ, какъ въ городѣ у насъ теперь!... Это примѣръ. Но думается, отцы и братья, необходимо намъ побольше заботъ о приходѣ. Частая служба и главное проповѣдь—про-

стая доступная народу. Научите его основнымъ истинамъ вѣры, подымите его нравственность, привяжите его любовію ко храму Божию—и пламя начинающагося пожара потухнетъ. Въ противномъ случаѣ—погибнетъ пшеница, сожретъ ее ненасытное пламя сектанства. Что же, братья, мы тогда скажемъ Домовладыкѣ.

Священникъ *Іоаннъ Алексинскій*.

Руководящія начала для устройства приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ или обществъ ревнителей православной вѣры въ Омской Епархіи.

(разсмотрѣнныя и одобренныя лекторами и слушателями первыхъ миссіонерскихъ курсовъ въ гор. Омскѣ 12—24 іюня 1906 года).

1. Апостоль Павелъ заповѣдалъ христіанамъ: „вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ, поддерживайте слабыхъ, будьте долготерпѣливы ко всѣмъ“. (1 Тес. 5, 14).

Во исполненіе этой заповѣди апостола въ приходахъ съ расколо-сектантскимъ населеніемъ, подъ руководствомъ и отвѣтственностью приходскаго пастыря, образуются миссіонерскіе кружки или общества ревнителей православной вѣры.

2. *Цѣль ихъ*: религіозно-нравственное просвѣщеніе членовъ кружка, прочихъ прихожанъ, колеблющихся; вразумленіе и привлеченіе въ лоно православной Церкви сектантовъ и старообрядцевъ; нравственная и матеріальная помощь новообращеннымъ и колеблющимся; нравственное воздѣйствіе на безчинствующихъ въ приходѣ.

3. *Руководство и составъ кружка*.

Кружекъ находится подъ непосредственнымъ, руководственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго священника.

Выборъ участниковъ кружка предоставляется священнику, какъ пастырю, обязанному знать своихъ овецъ. (Іоан. 10, 3).

Желательно, чтобы въ составъ кружка были члены причта, церковный староста, учитель или учительница школы.

Въ числѣ членовъ могутъ быть все ревнители православной вѣры обоого пола, какъ изъ числа прихожанъ, такъ и прочихъ лицъ, проживающихъ въ предѣлахъ прихода, но только преданные православію, благочестивые, высоконравственные, не запятанные порокомъ и, по возможности, грамотные.

Если среди членовъ кружка возникнетъ какое-либо недоразумѣніе, то разборъ предоставляется всему кружку.

4. Способы къ достиженію цѣли (религ.-нрав. просвѣщ.)

Для достиженія цѣли руководитель-священникъ устраиваетъ чтенія, бесѣды съ членами кружка по вопросамъ догматическимъ и нравственнымъ; особенное же вниманіе обращаетъ на пререкаемые въ данной мѣстности сектантами или старообрядцами вопросы.

Далѣе—желательно распространеніе книгъ св. Писанія, религіозно-нравственнаго и миссіонерскаго содержанія брошюръ, листовъ, книжекъ, и собственныхъ (пастырскихъ) проповѣдей и т. п.

Члены кружка приглашаются къ чтенію и пѣнію на клиросѣ, и во время бесѣдъ непременно поютъ молитвы, а также духовные стихи (лучше всего по сборнику „Лепта“ перелож. Анохина).

Кружокъ долженъ имѣть бібліотеку и читальню, устраиваемыя и пополняемыя на средства членовъ и прихожанъ, съ помощію отъ попечительства.

Кружкамъ въ бѣдныхъ приходахъ оказываетъ помощь Епархіальное Братство высылкой книгъ и брошюръ.

Въ случаѣ надобности приглашаются Епархіальный и окружной миссіонеры для веденія бесѣдъ въ приходѣ.

5. Выработка болѣе или менѣе точной программы дѣятельности кружка, сообразно съ мѣстными условіями, представляется руководителю и членамъ кружка и представляется (черезъ епархіальнаго миссіонера) Его Преосвященству на утвержденіе.

6. О своей дѣятельности руководитель кружка сообщает епархіальному или окружному миссіонеру во время посѣщенія ими прихода, а они отмѣчают дѣятельность кружка въ своихъ годовыхъ отчетахъ, представляемыхъ на усмотрѣніе Преосвященнаго.

ЗАМѢТКА.

Въ глубокому прискорбію, на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей мы должны повѣдать о печальныхъ событіяхъ, совершившихся за самое послѣднее время въ Ишимскомъ Духовномъ Училищѣ. 29 сентября с. г. ученики трехъ старшихъ классовъ училища, за исключеніемъ семи человекъ, отказались идти на уроки, предъявивъ правленію училища свою просьбу о томъ, чтобы имъ была дана полная свобода дѣйствій въ ихъ ученической жизни. Не смотря на увѣщанія о. смотрителя и г. г. преподавателей училища и даже на удовлетвореніе Правленіемъ училища нѣкоторыхъ желаній учениковъ, послѣдніе настаивали на полномъ исполненіи ихъ прошенія. Нѣкоторые пункты ихъ заявленій стояли въ прямомъ противорѣчій съ существующими правилами училища, а потому исполненіе въ этомъ отношеніи просьбы учениковъ было не во власти Правленія училища. Правленіе съ своей стороны изъявило согласіе на ходатайство предъ вышнимъ начальствомъ объ удовлетвореніи просьбы учениковъ и въ томъ, что было не во власти самого Правленія. Но и это согласіе Правленія не успокоило учениковъ. Они рѣшительно отказались посѣщать уроки. Преосвященный Гавріилъ, увѣдомленный Правленіемъ о случившемся въ Ишимскомъ Духовномъ Училищѣ, просилъ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ дать указанія, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Отъ Предсѣдателя Учебнаго Комитета была получена Его Преосвященствомъ телеграмма, которою предоставлялось Преосвященному или закрыть все училище или только нѣкоторые классы. Послѣдняя мѣра и была примѣнена въ Ишимскомъ Училищѣ. Забастовавшіе ученики Духовнаго Училища были отпущены и уѣхали къ своимъ родителямъ.

На этотъ прискорбный инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ Ишимскомъ Духовномъ Училищѣ, можно смотрѣть и какъ на обычное въ настоящее время явленіе въ учебной жизни. Но съ другой стороны можно думать, что если бы Духовное Училище находилось въ центрѣ епархіи, епархіальномъ городѣ, то быть можетъ нѣкоторыя причины, вызвавшія это явленіе, были бы своевременно устранены, были бы предотвращены такимъ образомъ печальныя послѣдствія совершившагося и дѣло можетъ быть приняло бы не столь рѣзкій, крутой оборотъ.

Совершившееся прискорбное событіе съ еще большею силою подтверждаетъ, что желаніе духовенства перенести Ишимское Училище въ Епархіальный городъ Омскъ должно быть осуществлено по возможности поскорѣе. Главнымъ препятствіемъ къ этому служить матеріальная сторона дѣла. Поэтому духовенству на своихъ благочинническихъ съѣздахъ необходимо основательно обсудить этотъ вопросъ о перенесеніи училища и изыскать необходимыя для этого средства.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

(Посвящается моему дорогому учителю А. Н. Ф-ву).

Отъ городского шума, отъ суеты людской
Я часто ухожу далеко, въ лѣсъ прохладный
И тамъ, гуляя по лугу, заросшему травой,
Люблю будить въ душѣ мечтаній міръ отрадный.

*
**

Люблю я представлять страну, гдѣ люди не стра-
даютъ,
Гдѣ создаются формы жизни не земной.
Люблю, когда душой моей овладѣвають
Мечты завѣтныя, одна свѣтлѣй другой.

С. Б. Г.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Поступила въ продажу новая книга:

„къ предстоящему собору Россійской Церкви“.

Цѣна безъ переплета—85 коп.; съ переплетомъ—1 руб.
Выписывать можно отъ автора—священника *Н. Кипарисова*,
ст. Омскъ, Сиб. жел. дороги.

При этомъ номерѣ прилагается объявленіе представителя коло-
коло-литейнаго завода *П. И. Гилева*, *К. А. Соколова*.

Содержаніе: Часть официальная. Епархіальныя извѣстія.

Часть неофициальная. О религиозно-нравственно воспитаніи юно-
шества. Изъ жизни. Учебное пособие по законовѣднію. О судѣ чести. Пламя
показалось. Руководяція начала для устройства приход. миссіонер. кружковъ.
Замѣтка. Стихотвореніе. Объявленіе.

И. об. Редактора, священникъ *Василій Пляскинъ*.

Дозв. ценз., г. Омскъ, 15-го октября, 1906 г.

Цензоръ, протоіерей *Теодоръ Канарскій*.

Типографія *К. И. Демидовой*.